

В. Ф. Миллер

Литовские народные песни

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 304
ББК 60.5
В11

В11 **В. Ф. Миллер**
Литовские народные песни / В. Ф. Миллер – М.: Книга по Требованию, 2015. –
224 с.

ISBN 978-5-4241-9384-2

ISBN 978-5-4241-9384-2

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2015

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2015

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

Имѣя въ виду цѣли филологическія, мы не могли подчиниться взглядамъ трудолюбиваго издателя и обратили наибольшее вниманіе на отчетливую передачу всѣхъ оттѣнковъ говора. Что же касается до критической обработки текста или, какъ понимаетъ это Нессельманъ, до возстановленія пѣсни въ ея первоначальномъ видѣ, часто искаженномъ пѣвцами, то мы ограничились лишь тѣмъ, что исключили изъ нашего собранія тѣ пѣсни, которыхъ смыслъ намъ казался неудовлетворительнымъ, и старались въ изданныхъ всюду по возможности соблюсти правильность метрическую. Если въ нашихъ пѣсняхъ читатель не вездѣ найдетъ удовлетвореніе художественнымъ требованіямъ, зато филологъ найдетъ въ нихъ надежный матеріалъ, могущій служить ему къ изученію мѣстнаго говора посвященной нами области.

Пѣсни, собранныя нами, поются въ деревняхъ Тробишкахъ и Юишкахъ, гмины Людзиновъ, Кальварійскаго уѣзда Сувалскаго губерніи. Мы записывали ихъ при весьма благоприятныхъ условіяхъ. Мы жили въ гостеприимной семьѣ крестьянина деревни Тробишекъ Вивентія Батыра, котораго сынъ Андрей Вивентьевичъ, кандидатъ историко-филологическаго факультета, оказалъ намъ главную помощь въ нашемъ предпріятіи. Каждое воскресенье собирались къ намъ парни и дѣвушки изъ окрестныхъ деревень на „балус“. Литовская молодежь танцуетъ съ увлеченіемъ. Приятно было видѣть, какъ босоногія „мергялес“ безъ устали плясали нѣмецкій *gopservalluz* и польку подъ звуки скрипки и бубна. Оркестръ изображали два батрака, которые съ необыкновеннымъ усердіемъ исполняли свою обязанность. Нужно замѣтить, что скрипка и бубенъ національные инструменты Литовцевъ, и что большинство парней играетъ самоучкой пѣсни и нѣкоторые нѣмецкіе танцы. Когда схлынетъ пылъ танцоровъ, мы зазывали парней и дѣвушекъ „ин секлича“, чистую половину крестьянскаго дома, и здѣсь они диктовали намъ пѣсни съ большою охотой, непрерывно. Воскресенья и праздники были особенно удобны для записыванія пѣсенъ. Помнимъ, что въ одинъ изъ такихъ дней намъ удалось записать до 60 нумеровъ.

Въ прочіе дни вносилося очень мало въ тетради, потому что народъ работалъ въ поляхъ и огородахъ и считалъ диктовку пѣсенъ забавой неприличествующею трудовому дню. Отъ денегъ, которыя мы предлагали за пѣсни, всѣ упорно отказывались.

Какъ велико богатство пѣсенъ можно судить по тому, что въ какиа-нибудь три недѣли мы собрали въ двухъ деревняхъ 150 нумеровъ, при чѣмъ записывали не каждый день, и что, напримѣръ, отъ одной батрачки Батыра было записано до 70 пѣсенъ. Народное творчество не изсякло доселѣ: въ каждой деревнѣ есть пѣсни, сложенныя въ ней и неизвѣстныя въ окрестныхъ деревняхъ и каждый годъ являются новыя пѣсни, сложенныя по образу и подобию старыхъ, съ тѣми же запѣвами или съ болѣе индивидуальнымъ, иногда сатирическимъ или „гривуазнымъ“ характеромъ. Пѣсни послѣдняго свойства складываются, конечно парнями и по большей части безцвѣтны, безсодержательны и не безъ литературной примѣси. При записываніи пѣсенъ мы на дѣлѣ убѣдились въ фактѣ, уже многими замѣченнымъ, что произведенія народнаго творчества сохраняются преимущественно женщинами. Отъ нихъ записано большинство пѣсенъ нашего сборника и при томъ самыя поэтическія. Парни, соприкасающіеся ближе съ цивилизаціей на базарахъ и въ корчмахъ, скоро забываютъ старыя, серьезныя пѣсни и выучиваютъ или складываютъ новыя съ вышеупомянутыми свойствами и болѣе или менѣе искусной рѣмовкою. Нужно было видѣть, какъ твердо помнить пѣсню дѣвушка, съ какою увѣренностью и отчетливостью она диктуетъ ее, и какъ сбивается, припоминаетъ и путается на каждомъ шагу парень!

Къ сохраненію отрывковъ говора мы были уже отчасти приготовлены въ Москвѣ тѣмъ, что занимались имъ при содѣйствіи кандидата Батыра, который самъ родомъ изъ этой мѣстности. Съ другой стороны г. Батыръ взялъ на себя трудъ перечестъ съ нами нашъ сборникъ, объяснить слова, не вошедшія въ словарь Нессельмана, разъяснить намеки на бытъ и обычай и вообще содѣйствовать намъ и словомъ и дѣломъ.

Только горсть, ничтожная горсть зачерпнута нами изъ обильнаго родника народной литовской поэзіи. Какой богатый и прекрасный сборникъ, сколько тысячъ пѣсенъ могли бы быть собраны тѣмъ, кто походилъ бы по Литвѣ и Жмуди въ продолженіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ. Какое важное научное значеніе могло бы имѣть такое путешествіе для народной поэзіи, для исторіи языка и для сравнительнаго языкознанія!

С о б и р а т е л и.

О ЛЮДВИНОВСКОМЪ НАРѢЧИИ.

Людвиновское нарѣчіе, которымъ говорятъ въ Тробишвахъ, Юнишкахъ и другихъ деревняхъ, принадлежащихъ къ гминѣ Людвпновъ, есть южнолитовское, или, по терминологіи Шлейхера, ¹⁾ верхнелитовское, т. е. не жемайтское. При сравненіи съ тѣмъ прусскимъ, южнолитовскимъ нарѣчіемъ, которое принято Шлейхеромъ за норму въ его грамматикѣ, людвиновское нарѣчіе представляетъ слѣдующія особенности.

А) Ф О Н Е Т И К А.

1) Въмѣсто *a* въ срединѣ словъ является иногда *e*, какъ напр.: *терп* = *тарп* ²⁾, *крентас* = *крантас* (болѣе употребительна послѣдняя форма), *дрѣбнас* *драбнас*, *гребе* (locat. sing.), *грѣбас* ³⁾ = *грабе*, *грабас*. — Измѣненіе *a* въ *e* совершилось здѣсь подѣ влияніемъ плавной *p*.

2) Въмѣсто *e* въ началѣ словъ всегда удерживается первоначальное *a*: *аглѣ*=*еглѣ*, *алнис*=*елнис*, *асу*, *асу*=*есу* (*если*), *арялис*=*ерялис*, *ажѣ*=*ежѣ*, *акѣчос*=*екѣчос*, *алкнис*=*елкнис* и др. ⁴⁾.

¹⁾ Недостатки этой терминологіи указаны Куршатовъ. См. Deutsch-Litthauisches Wörterbuch, VIII.

²⁾ Въ жемайтскомъ нарѣчій у Шярвида (Dictionarium trium linguarum. Wilnae. 1713) также *терп*.

³⁾ *я* въ *грѣбас* есть долгое *e* (см. ниже).

⁴⁾ Подобное произношеніе существуетъ также къ другимъ мѣстахъ

3) Краткое *e* въ срединѣ словъ и въ концѣ вообще произносится или какъ русск. *e*, или какъ звукъ средній между *e* и *a* (по Шлейхеру *ä*, *ä'*), но вмѣсто долгаго *e* ясно слышится *я*, напр.: *мяс* = *мѣс*, *бродилис* *бродѣлис*, *жиргалис* = *жиргѣлис*, но *бродѣмус*, *жиргѣмус* (accusat. plur.), *клявас* = *клевас*, но *клевалис* = *клевѣлис*, *дрѣба* = *дрѣба*, но *дрѣбѣсту*, *такант* = *тѣкант*, *гражяслис* = *гражѣслис*, *тя* = *тѣ*, „тамъ“, *грябас* = *грѣбас* = *грабас*, но *гребѣ*, *шакялѣс* = *шакѣлѣс* (nomin plur.), но *шакѣлис* (accus. plur.), *ранкялѣс* = *ранкѣлѣс*, но *ранкѣлес* и др.

Мергяля = *мергѣде* *) (accus. sing.), *дукрля* = *дукрѣле*, *дѣняля* = *дѣнѣле*, *ја* *јѣ*, *шя* = *шѣ*, *гаряс* = *герѣс* (partic. perf.) *пасигеря* = *пасигѣре*, *атѣяс* = *атѣјес* и др.

Въ окончаніи винительн. пад. ед. ч. личныхъ мѣстоименій обыкновенно слышится *я*, хотя, по Шлейхеру, *e* здѣсь кратко: *маня*, *тавя*, *савя* = *мане*, *таве*, *саве*.

Въ некоторыхъ формахъ слышится то *e*, то *я*, какъ напр. въ звательномъ падежѣ ед. числа существительныхъ женскаго рода, на — *e*. напр. *ширдяля*, *мергяля*, *мочуте*.

4) *Ja* (*ја*), если не падаетъ на него удареніе, произносится обыкновенно какъ *је* (какъ и въ прусско-литовскомъ нарѣчій у Шлейхера): *келяујенча* = *келяујанча*, *джаугѣс* (= *джаугјес* *) = *джаугяс*.

5) *é* въ началѣ словъ произносится довольно близко къ русск. *э* съ долготой; въ срединѣ же словъ, особенно послѣ мягкихъ согласныхъ, часто трудно бываетъ отличить его отъ нашего *e*. Въ концѣ словъ *e* есть звукъ средній между *э* и *и*. Въ словѣ *нѣра*, гдѣ *é* произошло изъ *e* + *и* (*не ира*) слышится почти *ѣ*.

6) *ë* произносится какъ диѳтонгъ *іе*.

7) *ÿ* произносится какъ *уа* (франц. *ou*). Въ словѣ *шÿ* „собака“ слышится *уа* (*шуа*).

Сувалкской губерніи, за исключеніемъ части Маріампольскаго уѣзда. См. Миуцкаго отчетъ о еилологическомъ путешествіи по западнымъ краямъ Россіи.

*) Носовой знакъ имѣетъ только грамматическое значеніе.

*) Въ нашей транскрипціи мы пишемъ послѣ согласныхъ *e* безъ іота.

8) *o* звучитъ глухо и въ концѣ словъ, а также предъ *л*, приближается въ *y*: *даржямо* (genit. sing.) звучитъ почти какъ *даржяму*, *скомямо* какъ *скумяму*.

9) *y* и *и*, особенно въ концѣ словъ, звучатъ иногда почти какъ глухое *o* и *e*: *гражго* = *гражгу*. *аудос* = *аудус* = *стове* = *стови*, *ишежет* *ишежит* (imperat.). Мы пишемъ *y* и *и*, слѣдуя этимологii. — Подобнымъ же образомъ произносятся иногда *y* и *и* въ прусско-литовскомъ нарѣчii у Шлейхера. Срав. также жемайтское нарѣчiе у Довконтъ (*Dajnes Žiamajtių, Petropolis, 1846*).

10) Дифтонгъ *ei* въ началѣ словъ звучитъ какъ *ai* (мы пишемъ *aj*): *ajсу*, *ajлѣ*. Срав. *a* вм. *e* въ началѣ словъ.

Подобнымъ же образомъ произносится обыкновенно *rajk*, *rajks* = *режк*, *режкс*. — Въ словахъ: *jaј* = *jej*, *лајстѣ* = *лејстѣ* *лејсти* и т. п. слышится *лј*, такъ какъ долгое *e* звучитъ какъ *я*. Въ словѣ *тејп* „такъ“ вмѣсто дифтонга *ej* слышится только *e*: *теп*.

11) Вмѣсто дифтонга *aj* (*ai*) въ словѣ *кајп* „какъ“ слышится только *a*: *кап*.

12) Мѣстоименiе *jis* звучитъ обыкновенно какъ *ис*, винит. пад. ед. ч. *ји* — какъ *и*⁷⁾; поэтому напр. *бѣрай* = *бѣраји* (accusat. sing.).

13) Слова, начинающiяся съ звука *y*, принимаютъ обыкновенно придыханiе *v*: *вѣше* = *yвѣе*, *вѣдас* = *yдас*, *вѣдега* = *yдега*. — О придыханii *v* въ словѣ *шѣ* см. выше.

Въ некоторыхъ глаголахъ, начинающихся съ гласной и сложныхъ съ предлогами, придыханiе *v* появляется между префиксомъ, оканчивающимся на гласную *y* и глаголомъ: *кувезму* = *куејму*, *субѣстѣ* = *субѣстѣ*, *субѣсти*.

14) Мягкiя гласныя, измѣняя предшествующiя *d* и *t* въ *дж* и *ч* (т. е. *тиш*) *dj*, *tj*, сохраняютъ при этомъ свою мягкость: *диджго*, *јаучму*, *сѣдинчи* и т. д. Шлейхеръ пишетъ *оиджго*, *јаучу* и т. д., но у Куршата, а также въ старыхъ грамматикахъ, *j* сохраняется послѣ *дж* и *ч*. — Въ некоторыхъ пѣсняхъ *tj* и *dj* являются неизмѣненными въ *дж* и *ч*. напр. въ словахъ: *пастатау* = *пастачау*, *ректау* =

⁷⁾ Мы пишемъ *jis*, *ји*, *бѣраји* и т. п.

ренчиау, дидиу = диджетиу, гирдиау = гирджетиау. Такъ произносила та женщина, отъ которой записаны нами эти пѣсни. Подобнымъ же образомъ въ нѣкоторыхъ жемайтскихъ нарѣчiachъ *tj* и *dj* не измѣняются въ *ч* и *дж* (см. напр. Довконта *Dajnes Žiamajtiu*).

15) *Л* передъ твердыми гласными, а также передъ согласными, за которыми слѣдуютъ твердые гласныя, звучитъ твердо, какъ русск. *л* въ словахъ: лошадь, дала и т. п.: *лабас, лакитутѣ, калба, балмас,* и др.

Л произносится мягко въ томъ случаѣ, когда послѣ *л* слѣдуетъ мягкая гласная: *лѣпа, лятѣ = лести, лятѣ = лејсти, лента, лига, клѣтис* и др.—Подобнымъ же образомъ произносится *л* и тогда, когда за нимъ слѣдуетъ согласная, имѣющая послѣ себя мягкую гласную: *балјти* (*popināt. plur.*), но *балмас, алјкснис = елјкснис, галјвалѣ = галвѣлѣ,* но *галва, балнјалис = балнѣлис,* но *балмас, калјбѣтѣ = калјбѣти,* но *калба* и т. п. Если мягкая гласная въ концѣ слова отпадаетъ, то этимъ уничтожается причина смягченія *л*; по этому напр.: *гулт* изъ *гултјти* (*infinit.*), *инпулк* изъ *инпулкјки,* *инпулкѣ* (*impregat.*), *колиз* изъ *колеји,* *дѣл* изъ *дѣлеји* т. п.

16) Согласная *р* въ концѣ словъ *ар* „аль?“ и *ир* „и“ передъ словами, начинающимися съ согласной, обыкновенно не произносится *).—*Дар* „еще“ звучитъ какъ *да*.—Подобнымъ же образомъ согласная *л* часто не произносится въ словѣ *тегул* „пустъ“.

17) Въ предлогѣ *им*, у Шлейхера и „въ“, конечное *м* обыкновенно сохраняется, какъ въ томъ случаѣ, когда этотъ предлогъ стоитъ отдѣльно, такъ и тогда, когда онъ входитъ въ сложеніе съ другими словами. Срав. *им* въ жемайтскихъ нарѣчiachъ.

18) Въ предлогѣ *ант* конечное *т* обыкновенно не произносится.

19) Имена существительныя (и прилагательныя) мужскаго рода на — *ас* удерживаютъ обыкновенно *а* въ име-

*) Мы пишемъ *ар, ир*.

нит. пад. ед. ч. не только въ пѣсняхъ, но и въ разговорномъ языкѣ. Въ пѣсняхъ это *a* выпадаетъ лишь въ рѣдкихъ случаяхъ, по требованію размѣра, а въ разговорномъ языкѣ мы можемъ указать на *ритс* вм. *ритас* въ привѣтствіи: *лабас ритс!* „доброе утро!“

20) Въ прошедшемъ времени (*praeteritum*) въ 3-мъ лицѣ является иногда отпаденіе послѣдняго слога *jo* (обыкновенно послѣ *e*): *нуѣ* = *нуѣjo*, *турѣ* = *турѣjo*, *сусто* = *сустоjo*.

21) Въ окончаніяхъ дательнаго и творительнаго падежей множ. ч. *мс*, — *мис*, конечная согласная *s* обыкновенно не произносится: *дарблалем*, *кожом*, *муми*, *јуми* и т. д.

22) Въ склоненіи именъ существ. на *ас* въ дательн. падежѣ ед. ч. слышится всегда — *у* вм. — *уj*.

Б) Ф Л Е К С И И.

1) Двойственное число въ склоненіи сохранилось въ разговорномъ языкѣ только въ нѣкоторыхъ словахъ (въ именит. и винит. пад.), какъ напр. *ранки* „обѣ руки.“ Въ пѣсняхъ встрѣчаются формы: *сунелму*, *брелелму* и др.

2) Имена существительн. женск. рода на—*e* въ звательномъ падежѣ ед. ч. имѣютъ всегда *я* или *e*, у Шлейхера—*e*: *дукряля*, *мочуте* (см. выше).

3) Существит. *сесу* (основа *сесер* —) „сестра“ и *дукте* (основа *дуктер* —) „дочь“ образуютъ именит. пад. множ. ч. на — *ис*: *сясерис*, *дуктерис*, у Шлейхера: *сесерс*, *дуктерс*.

4) Существительныя на — *у*, какъ напр.: *акму* (основа *акмен*), *ванду* (основа *ванден*—), и т. п. въ родит. пад. ед. ч. имѣютъ формы: *акмето*, *вандено*¹⁾. Отъ *шү* (основа *шун*—) „собака“ родит. пад. ед. ч. *шунёс*, у Шлейхера *шунс*, *акменс*.

¹⁾ Шлейхеръ по поводу этихъ формъ дѣлаетъ слѣдующее замѣчаніе: *akmenê* und *akmenio* haben die Grammatiker, ich habe diese Formen nie beim Volke gehört. Sie sind unursprünglich und falsch (Lit. Grammat. 192). Эти формы дѣйствительно не первоначальныя, но онѣ образованы аналогіей основъ на *ja* и на—*i*, подобно другимъ косвеннымъ падежамъ существит. на *у*.

5) Въ склоненіи определенныхъ прилагательныхъ замѣчательны формы винит. пад. множ. ч. женск. р.: *ligaju-ses* = *liwjeses* = *liwjeses*, *naujajoss* = *naujāsses*. Тотъ объясняется здѣсь изъ бывшей некогда носовой согласной; срав. въ сборникѣ Станевича (*Daupas Žemauozių, Wylniaje, 1829*) *rajbancses* = *rajbāsses* (№ 23).

6) Подобнымъ же образомъ въ мѣстоименіяхъ *tas* и *jis* (цс) винит. пад. множ. ч. женск. р. является въ формахъ *tajs* = *tas*, *jajs* = *jas* = *jes*.

7) Въ склоненіи личныхъ мѣстоименій формы творит. пад. множ. ч. употребляются иногда вмѣсто дательнаго падежа. *bus muži didis užsadašis* „будетъ намъ большіимъ помощникомъ“; *mužis vėjavė skauda* „у насъ голова болитъ“; *ateis muži pavasaris* „придетъ къ намъ весна“; *juči me davė marčios* „важъ не далъ невѣсты (изъ сказки).“

8) Въ пѣснѣ, начинающейся словами: „Ишејит, броядеј, ишејит, рајтадеј, „а также въ пѣснѣ“: *Vaj aš pianaht per naktylį „встрѣчается форма дательн. пад. ед. ч. mane“* ви. обыкновен. *man*, *man* „мнѣ“: *man mane tėvialio; nēr man motinėlės* „нѣтъ у меня батюшки, нѣтъ у меня матушки“; *rupi mane kelionėlė* „заботу мнѣ причиняетъ дорожка.“ Еще разъ встрѣчаемъ мы эту форму въ одной пѣснѣ, напечатанной Шлейхеромъ (*Litvuisch. Lesebuch, стр. 44*), именно въ стихѣ: *ko dėl mane neį žodeli²⁾ ne sakei* „почему не сказала ты мнѣ ни словечка.“ Шлейхеръ ставитъ при словѣ *mane* вопросительный знакъ и пишетъ почему-то конечное *e* носовое но мы полагаемъ, форма *mane* можетъ быть объяснена изъ болѣе древней формы *manej*, встрѣчающейся въ жемайтскихъ пѣсняхъ: ³⁾ *manej*: *mane* = *manej*: *nėn*.

9) Двойственное число въ спряженіи не употребляется.

10) Архангелское спряженіе глаголовъ на — *mi* исчезло. Замѣчательна форма *асму* ви. *асму* = *есму*, *есу*, нѣсколько

²⁾ Въ лядвиновскомъ нарѣчій было бы *жодали*.

³⁾ См. напр. *Dainės Dūkanta, № 10* = 2. Г. Милуцкій указываетъ на форму *мокеј* въ Тельшевскомъ уездѣ.

разъ являющаяся въ пѣсняхъ и представляющая собою при-
меръ ложной аналогіи глаголовъ на—у. Съ формой *асму*
сравни. *есму* въ томъ южнолитовскомъ нарѣчій, которымъ
говорять въ Анишчег (Вилком. уѣздъ Ковенск. губ.) ⁴⁾, а
также въ нѣкоторыхъ жемайтскихъ книгахъ; далѣе срав.
латышск. *есму* и древн. прусск. *асму*.

11) Въ желательномъ наклоненіи первое лице ед. ч. окан-
чивается на —че: *сукче* = прусско-литовск. *сукчау* (*сук-
чау*). Срав. жемайтск. *сукто*, *сукчио*, *сукче*.

12) Въ медиумѣ гласныя въ глагольныхъ окончаніяхъ пе-
редъ мѣстоимен, —си, —с не подвергаются усиленію (подъ-
ему): *кялсус* = прусско-литовск. *келсуѳс* и т. п.

13) Неопредѣленное наклоненіе всегда оканчивается на—
тѣ или, съ отпаденіемъ конечной гласной, на—т. Обыкно-
венное литовское окончаніе неопредѣлен. наклоненія есть—
ти, откуда также—т, напр. *ејти*, *ејт* = людвиновск. *ајтѣ*,
ајт. Окончаніе—тѣ въ нѣкоторыхъ литовскихъ нарѣчійхъ
сохранилось только въ медиумѣ, передъ—си, —с: *линксмин-
тѣс* (Шлейхера Lit. Grammatik. 223).

В) СЛОВООБРАЗОВАНИЕ.

1) Указательная частица—*ај* (*ај*) приставляется не толь-
ко къ мѣстоименіямъ (въ именит. пад. ед. ч. мужеск. рода)
какъ напр.: *тасај*, *јусај*, но и къ прилагательнымъ, напр.:
балтасај, *јаунасај*. Срав. въ этомъ отношеніи нарѣчье въ
Анишчег ⁵⁾.

2) Въмѣсто сложнаго существительнаго *вѣшкелис* „боль-
шая дорога“ иногда мы находимъ въ пѣсняхъ два отдѣль-
ныхъ слова: *вѣшас кялс*, напр. *ишејсу ан кално шале вѣшо
кяло* „выйду я на гору, подлѣ большой дороги.“ — Срав.
въ словарѣ Ширвида *вѣшас келас*.

О нѣкоторыхъ наиболее интересныхъ особенностяхъ сло-
восочетанія см. прибавленіе въ концѣ сборника.

⁴⁾ Шлейхера Donaleitis. [Berichtigungen und Zusätze, стр. 336.

⁵⁾ Шлейхера Donaleitis, Berichtigungen und Zusätze, 336.